

Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса

После завершения наполеоновских войн часть военнопленных осталась в России. Однако недостаток источников далеко не всегда позволяет проследить их судьбы и выявить их стратегию интеграции в российское общество. Среди тех пленных, кто связал свою жизнь и карьеру с Россией, был и врач Генрих фон Роос, дослужившийся до должности главного доктора Мариинской больницы в Петербурге.

К счастью, источники позволяют достаточно подробно проследить его судьбу в России. В Российском государственном историческом архиве хранится дело о службе этого бывшего пленника, где в числе прочих документов находятся и два его формулярных списка. Первый список не датирован, второй составлен в 1837 г.; оба – с последующими добавлениями¹. Кроме того, Роос на склоне лет написал мемуары, опубликовав их в 1832 г. в Петербурге². Однако, по-видимому, это издание не обратило на себя внимания историков. Позднее мемуары эти несколько раз переиздавались за границей – в Германии и во Франции (на французском языке). И наконец в начале XX в., в 1912 г., в связи с юбилеем Отечественной войны, независимо друг от друга с заграничного немецкого издания были выполнены два перевода на русский язык, опубликованные соответственно в Москве и в Петербурге (оба с некоторыми пропусками, но московский вариант в ряде случаев точнее)³. Оба формулярных списка сообщают, что Генрих Ульрих Людвиг фон Роос родился в Штутгарте, в Вюртембергском герцогстве (с 1806 г. – королевство), что он происходит из обер-офицерских детей, холост и является доктором медицины. В раннем формулярном списке также указано, что он – кавалер вюртембергского королевского ордена «За

достоинство» и не имеет во владении душ. Недвижимого имущества к 1837 г. он не приобрел. Согласно списку 1837 г., Роосу было 56 лет, следовательно, он родился около 1780 г. За время пребывания на русской службе под судом не находился⁴.

Генрих фон Роос попал в плен уже опытным медиком. Он стал военным врачом в 1800 г., в 1805 г. – старшим врачом, участвовал в кампаниях с 1805 по 1809 г. Во время похода 1812 г. он служил в 3-м конно-егерском герцога Людовика полку.

Он был взят в плен 16 (28) ноября под Студянкой близ Борисова. К вечеру партию пленников, в числе которых был и мемуарист, ограбленных уже казаками, пригнали в Борисов и расположили под охраной на улице вблизи нескольких горящих домов, чтобы пламя пожара немного согрело несчастных. Рано утром к костру, около которого сидел Роос, подошел русский военный чиновник, немец по происхождению. Заговорив с пленниками и узнав, что один из них – врач, незнакомец сказал: «Ну, врачам в теперешнее время можно устроиться, наш генерал их берет, однако согласно особому приказу, исключительно немцев». Наутро Роос решил воспользоваться предложением и отправился по «развалинам и площадям» Борисова в поисках русского начальства⁵. Характерно, что его никто не остановил – согнанных в Борисов пленных практически не охраняли. Организовать в короткий период надзор за ними, по-видимому, не было возможности, да и бежать голодным и полураздетым пленникам было некуда и незачем.

Пройдя совсем немного, Роос вновь встретил ночного знакомого и сообщил ему о своей согласии работать врачом в госпиталях во время плена. Его тут же препроводили к генералу. Это был П.Х. Витгенштейн. Ответив на вопросы о своем происхождении и службе и получив немного хлеба, который слуга раздал и другим доставленным к графу пленным

французским офицерам, Роос удалился в соседнюю комнату, где и заснул на сене среди множества других офицеров. Проснувшись через некоторое время, он обнаружил, что находится в комнате один, а войдя в соседнее помещение, застал там Витгенштейна, также в одиночестве сидевшего за столом с бумагами. Граф посоветовал Роосу пройтись по улицам и поискать главного врача корпуса, рассказав при этом, как тот выглядит и какую сумку носит. «Изложите ему ваше желание с указанием, что я послал вас», – закончил речь граф⁶. Этот эпизод дает вполне наглядное понятие о тех условиях, в которых приходилось работать в те дни штабу 1-го Отдельного пехотного корпуса, самому графу Витгенштейну и вообще о хаосе, творившемся в Борисове.

Увидев на улице человека, похожего на описанного Витгенштейном, Роос зашел вслед за ним в дом. Это действительно оказался доктор Витт, главный врач корпуса Витгенштейна. Узнав, в чем дело, Витт пригласил пленника к своему столу, накормил его и сообщил, между прочим, что два дня назад русские взяли в плен транспорт с больными и ранеными вюртембергцами, при которых было и четверо врачей. Транспорт этот находился теперь недалеко от города. Погуляв по Борисову, ночь Роос провел в доме Витта. На другой день к Витту явились несколько пленных врачей из Великой армии, предложивших русским свои услуги на время плена. Однако принят на службу был только Дюкруа, уроженец Кенигсберга. В этот же день Витт издал письменный приказ, согласно которому Роос назначался в деревню Жицково, в 10 верстах от Борисова, где находились 3000 больных и раненых русских и пленных. Дюкруа становился его помощником, а русский врач, которого сменял Роос, должен был следовать далее за своим корпусом. Витт уехал 2 декабря (по новому стилю), а Роосу лишь 7 числа удалось добиться от борисовского коменданта транспорта для

отправки к месту службы. На недоуменные вопросы доктора о причине задержки русские только удивлялись: «Что вы, немца, все так ретивы в службе?»⁷

Здесь, в Жицково, находились и четверо вюртембергских врачей, о которых упоминал Витт: старший врач Ципперлен и младшие врачи Кюнле и Гертнер (фамилии четвертого, вскоре умершего, Роос не запомнил). Русский врач уехал, взяв с собой Ципперлена, а Роос приступил к своим обязанностям. Русский офицер выдал врачам по тулупу и прикомандировал в качестве переводчиков несколько солдат, знающих немецкий язык, через которых и происходило общение с русскими пациентами. Эти же солдаты зачастую ассистировали при операциях и перевязках, а также выполняли обязанности денщиков. Работать приходилось в сложных условиях: при свете лучины, недостатке дров, лекарств и перевязочного материала. В распоряжении врачей имелся только один докторский нож, полученный от доктора Витта, так как все инструменты у Рооса были отобраны казаками. Тем не менее медики дважды в день старались обходить всех больных. В свою очередь, и больные русские офицеры помогали пленным врачам. Они делились с ними бельем и – что было особенно ценно – чаем⁸.

В январе 1813 г. Роос заболел тифом и вернулся к своим обязанностям только в конце февраля. К этому времени положение в госпитале значительно улучшилось: наладилось снабжение продуктами, лекарствами, в деревне появились молоко, масло, вино, мед. Пленных перевели в Полоцк, часть русских больных выздоровела и была отправлена к армии⁹.

Весь этот драматический рассказ, приведенный Роосом в мемуарах, уложился всего в три строчки его формулярного списка.

Согласно списку, Роос был определен в российскую службу в военных госпиталях графом П.Х. Витгенштейном 17 ноября 1812 г., что соответствует и показаниям его мемуаров. Он «был употребляем при многочисленных раненых и больных по случаю недостатка в лекарях, отправляя должность старшего врача 1 класса с жалованием 750 руб. в год»¹⁰.

Одновременно с этим, как свидетельствует формулярный список, с 14 апреля 1813 г. по 3 января 1814 г. Роос занимал место борисовского уездного доктора, которое было тогда вакантно¹¹. Дело в том, что Роос, занимаясь лечением военных, приобрел хорошую репутацию. Окрестное дворянство стало приглашать его к больным. Гражданских медиков в то время в России катастрофически не хватало. Именно поэтому комендант Борисова подполковник Свечин и предложил пленнику перебраться на новое место. Здесь он по-прежнему лечил военных, но вместе с тем занимался и частной практикой¹². Следует отметить, что такое соединение двух должностей обеспечивало казне экономию средств, поскольку жалования по должности уездного врача Роос не получал¹³.

В Борисове Роос пользовался расположением как военных, так и гражданских лиц. Один русский майор подарил ему шпагу и английское седло, найденные среди вещей, брошенных Великой армией. Подполковник Сазонов приглашал его ежедневно к себе обедать. Капитан Шильдер давал Роосу читать стихотворения Шиллера. Внимание Роосу уделял и городничий А.К. Шаталов, которого пленник успешно лечил от болезней глаз и от лихорадки. «Столь же сердечно и благожелательно, как эти добрые люди, относились ко мне и остальные офицеры гарнизона, гражданские чиновники, начальник и учителя уездного училища и даже некоторые еврейские семьи», – писал позднее Роос. Подружился он и с

представителями польского общества, которые грезили о возвращении Наполеона так сильно, что им даже чудились приближающиеся пушечные выстрелы¹⁴. Впрочем, не все так хорошо относились к пленному медику. «Меня порою огорчали и даже задевали лично, – вспоминал Роос, – и делали это люди, которые вследствие надобности во врачах отправлены были в армию или в госпитали еще не закончив своего медицинского образования, и по невежеству приравнивая нас к простым пленным, полагали, что к нам можно относиться пренебрежительно и хотели понравиться благодаря своей национальной гордости или знанию родного языка». Из-за этого летом 1813 г. Роос обратился к властям с просьбой разрешить ему сдать экзамен и отпустить для этого в Вильно. Более того, он направил в связи с этим жалобу доктору Витту, который находился при действующей армии¹⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что с инициативой о сдаче экзамена выступил сам пленник, а не российские чиновники, ставившие этот вопрос многократно на общегосударственном уровне. Так, о необходимости экзаменовывать пленных врачей, в первую очередь привлекаемых к лечению гражданского населения, писал в марте 1813 г. С.К. Вязмитинов в отношении к министру народного просвещения А.К. Разумовскому¹⁶. В дальнейшем и сам Разумовский активно и последовательно отстаивал эту позицию¹⁷.

Однако реакция властей последовала лишь в конце января 1814 г. В Борисов пришел приказ о переводе Рооса ординатором в пехотный госпиталь в Петербурге и о разрешении ему сдать экзамен в Медико-хирургической академии¹⁸. По-видимому, решение о переводе в столицу было обусловлено именно ходатайством Витта, факт обращения к которому опущен в русском переводе.

В формулярном списке Рооса сказано, что действительно, 28 января 1814 г. он был переведен в Санкт-Петербургский военный госпиталь, где отличался «особенною рачительностью к совершенному благоволению начальства». Это благоволение выразилось, по-видимому, и в том, что Медицинский департамент 12 октября 1814 г. позволил Роосу носить вюртембергский «орден за заслуги». 11 ноября 1814 г. Императорская Медико-хирургическая академия по результатам экзаменов утвердила Рооса доктором медицины. Однако 28 сентября 1815 г. Роос по прошению был уволен из военных госпиталей¹⁹.

В свидетельстве о службе, выданном Роосу в конторе Санкт-Петербургского военного госпиталя, было указано, что он состоял в госпитале в качестве ординатора с 30 ноября 1813 г. до 17 сентября 1815 г., что расходится с данными формулярного списка и с мемуарами самого Рооса. Вероятно, чиновники, составлявшие документ, имели в виду весь период службы пленника в русских военных госпиталях. Впрочем, тут более важна аттестация, данная врачу в этом свидетельстве, согласно которой он «пользовал вверенных ему больных, как внутренними, так и наружными болезнями одержимых, как весьма опытный врач, усердием, старанием и деятельностью он помогал больным столько, сколько со стороны его возможно было»²⁰.

Мемуары Рооса дополняют данные официальных документов о начале петербургского периода его жизни. Приехав в столицу и приступив к своим обязанностям по госпиталю, Роос отправился вскоре на прием к начальнику Медицинского департамента Военного министерства доктору Ф. Рускони и потребовал отпустить его на родину, поскольку его соотечественникам уже была предоставлена свобода. С подобными требованиями он обращался по начальству еще в Борисове (вюртембергцев отправляли на родину согласно циркулярному

предписанию Вязмитинова от 9 ноября 1813 г.). Рускони заявил, что сперва следует сдать экзамен, а в конце разговора прибавил: «Оставайтесь у нас, я вам советую это, вы никогда не будете раскаиваться». От Рускони Роос отправился в Медико-хирургическую академию, где стараниями «хорошего человека и друга иностранцев ученого секретаря доктора Орлэ» очень скоро получил возможность сдать экзамены. После его завершения Орлэ сказал Роосу от имени академической конференции: «За три года ни один иностранец не сдавал экзамен так хорошо как Вы».

Впрочем, Роос не оставил попыток вернуться на родину. Он обратился 5 июня 1814 г. (по новому стилю) через посольство к королю с просьбой об отозвании на родину и о восстановлении в должности, а в случае отказа – о разрешении остаться в России. За содействием Роос обратился и к принцу Александру Вюртембергскому. Впрочем, власти Вюртемберга не изъявили готовности принять Рооса на родине и вернуть ему прежнюю должность. От имени короля 22 августа доктору было сообщено, что он может оставаться в России. То же советовал бывшему пленнику и принц Александр, а также друзья и покровители на родине. Дело в том, что к этому моменту на родине его уже считали умершим, исключили из списков по службе, и даже опубликовали в газете некролог. Через год, летом 1815 г. вюртембергские власти опубликовали в петербургских газетах объявление с требованием всем вюртембергским подданным, оставшимся в России после похода 1812 г., под угрозой потери имущества и прочих прав вернуться на родину. Роос подал прошение об отставке, приложив к нему вырезку из газеты, и в сентябре 1815 г. был уволен, что подтверждается и приведенными выше документами. Сообщив об оставлении русской службы на родину, Роос просил дать ему должность по военному или гражданскому ведомству, не преминув, впрочем, вновь оговорить, что в случае отказа он желал бы

остаться в России. Должности он опять не получил, зато в ноябре получил королевский рескрипт, позволявший ему и дальше проживать в России²¹. На этом мемуары Рооса заканчиваются.

Как следует из формулярного списка, 18 января 1816 г. он подал прошение о принятии его в петербургскую больницу для бедных на открывшуюся вакансию младшего лекаря, приложив к прошению и свое свидетельство о службе²². Член Санкт-Петербургского опекунского совета И.В. Тутолмин, которому подчинялся Воспитательный дом, больница для бедных и другие учреждения ведомства императрицы Марии Федоровны, внес это прошение на рассмотрение совета. 21 января 1816 г. императрица, покровительствовавшая соотечественникам-вюртембергцам, утвердила доклад о назначении Рооса на открывшуюся вакансию с испытательным сроком²³. Забирая в октябре свое свидетельство о службе, приложенное к прошению, Роос оставил расписку, в которой собственноручно подписался своим новым русским именем: Андрей Иванович фон Роз²⁴. В июне 1816 г. Тутолмин предложил Опекунскому совету утвердить в должности находящегося «на опыте на вакансии младшего лекаря» фон Рооса, который «для этой должности оказался способным». Соответствующее решение Опекунского совета было высочайше одобрено 24 июня 1816 г.²⁵ В 1818 г. Роос стал надворным советником. Одновременно со службой в больнице для бедных он с декабря 1818 г. служил в Санкт-Петербургском коммерческом училище, а с января 1819 г. также и в Санкт-Петербургском училище ордена Св. Екатерины. В 1820 г. он был награжден Орденом Св. Владимира 4-й степени²⁶. В том же году за «произведенную благополучно операцию в лазарете Коммерческого училища» Роос получил высочайшее благоволение²⁷. В 1822 г. в связи с

запрещением масонских лож на территории Российской империи Роос, так же как и другие чиновники, дал подписку о том, что он не принадлежит ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее²⁸. В августе 1824 г. «в уважение отличной его деятельности и усердного служения» Роос был назначен старшим лекарем в больнице для бедных. А с ноября 1824 по апрель 1825 г. он работал в специально учрежденном по случаю наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 г. отделении больницы, где излечил 138 человек²⁹. В 1828 г. он подал прошение о предоставлении ему десятидневного отпуска для поездки в отечество и получил соответствующее разрешение императрицы Марии Федоровны³⁰. Наконец, в 1826 г. Роос получил чин коллежского советника (со старшинством с 1824 г.)³¹. В 1828 г. получил орден Св. Анны 2-й степени, а в 1830 г. стал статским советником. В 1831 г. Роос был пожалован императором бриллиантовым перстнем, а в 1832 г. получил знак отличия за 15 лет беспорочной службы. В следующем году он уже имел орден Св. Анны 2-й степени с императорской короной, а в 1835 г. получил орден Св. Станислава 3-й степени³². Вместе с тем с 1819 по 1835 г., вследствие болезни докторов в Коммерческом училище и в училище ордена Св. Екатерины, Роос неоднократно исполнял их должности, а с 1824 г. часто исправлял должность отсутствовавшего по болезни главного доктора больницы для бедных действительного статского советника Бинберга³³. 26 июня 1835 г. почетный опекун граф М.Ю. Виельгорский вошел в Опекунский совет с представлением об увольнении Бинберга по болезни и о назначении на место главного доктора больницы Рооса, «имея в виду его отличное усердие к службе и опытность». 27 июля 1835 г. император Николай утвердил соответствующий доклад опекунского совета³⁴. В связи с новыми

обязанностями Роос оставил службу в Коммерческом училище и в училище ордена Св. Екатерины³⁵. В 1836 г. Виельгорский в связи с тем, что Роос «постоянным усердием к службе обращает на себя внимание начальства», вошел в Опекунский совет с ходатайством о поощрении его годовым окладом жалования. Но в денежном поощрении было отказано³⁶. Однако в следующем году Роос был удостоен высочайшего благоволения и получил знак отличия за 20 лет беспорочной службы³⁷. Возглавив Мариинскую больницу, Роос ввел в практику публикацию ежегодных отчетов о ее деятельности. Два таких отчета, за 1836 и 1837 гг., сохранились в собрании Российской национальной библиотеки³⁸.

В 1839 г. Роос получил орден Св. Владимира 3-й степени и орден Св. Станислава 2-й степени³⁹. Однако здоровье уже немолодого доктора ухудшалось. 22 мая 1839 г. он подал в Опекунский совет прошение «уволить его в отпуск на 28 дней для восстановления своего расстроенного здоровья от ревматических головных и грудных припадков коими он несколько лет страдает, посредством спокойного употребления серных ванн близ столицы»⁴⁰. А в апреле 1840 г. почетный опекун принц П. Г. Ольденбургский сообщает Опекунскому совету, что Роос «с давнего времени страдает грудной болью, состоящей в периодической одышке и что по собственному убеждению и по совету других медиков употребление минеральных вод может быть единственным средством к его излечению», и поэтому просит уволить его на три с половиной месяца в отпуск в южную часть Германии. Кроме того, Ольденбургский просит выдать Роосу в пособие его годовое жалование, которое составляло на тот момент 1035 руб. серебром. В мае император разрешил Роосу ехать за границу и выдать ему просимую сумму⁴¹. Однако эта поездка оказалась для Рооса последней. 20 августа 1840 г. П.Г. Ольденбургский сообщал в

Опекунский совет о получении из баварского г. Вюрцбург известия о смерти главного доктора Мариинской больницы. Из дальнейшей переписки видно, что умер Роос 4 (16) июля⁴². После смерти Рооса выяснилось, что в Санкт-Петербургской сохранной казне лежит его капитал в размере 6 тыс. рублей. Неженатый Роос имел в Вюртемберге сестер и племянников, в пользу которых и составил завещание. Капитал был выдан вюртембергскому генеральному консулу в Петербурге, за вычетом стоимости ордена Св. Станислава 2-й степени, который не был обнаружен среди вещей покойного и, по-видимому, был увезен им в Германию⁴³.

Характерно, что, прожив много лет в России и прослужив в столице, Роос так и не стал российским подданным. Но еще более характерно, что этот вопрос в течение его службы даже не возникал. Им озаботилось лишь Министерство финансов в 1844 г., через четыре года после смерти бывшего пленника, в связи со взысканием крепостных пошлин по его завещанию⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 101. Первый список (Л. 17об–18) не датирован, но основной его текст заканчивается февралем 1816 г., а далее следуют приписки, первая из которых относится к февралю 1818 г. Его служба в России в 1812–1816 гг. описана кратко. В конце списка стоит собственноручная подпись: «Докторъ медицински и кавалер фон Роозъ» (именно так писалась тогда в русских документах его фамилия). Второй список (Л. 32об–37) датирован 1837 г. Причем в нем информация о службе Рооса в 1812–1816 гг. представлена более подробно. Возможно, составители списка опирались на какие-то иные документы или на свидетельства самого Рооса.

² *Roos H.U.L., von. Ein Jahr aus meinem Leben oder Reise von den westlichen Ufern von Donau an die Nara, suedlich von Moskwa und zurueck an die Beresina mit der Grossen Armee Napoleons im Jahre 1812...* SPb., 1832.

³ Смутное время и Отечественная война 1812 г. Т. 2: *Генрих Роос. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии/ Пер. с нем. под ред. Н.И. Бороздина. М., 1912.*

⁴ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 101. Л. 32об–33.

⁵ *Роос Г. Указ. соч. С. 271, 273–274.*

⁶ Там же. С. 275–277.

⁷ Там же. С. 277–281.

⁸ Там же. С. 281–284.

⁹ Там же. С. 287–289.

¹⁰ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 101. Л. 32об–34.

¹¹ Там же. Л. 32об–34.

¹² *Роос Г. Указ. соч. С. 289.*

¹³ РГИА. Ф. 758. Оп. 15 Д. 101. Л. 32об.

¹⁴ *Роос Г. Указ. соч. С. 298–299, 302–303, 306, 307.*

¹⁵ *Roos H.U.L., von. Op. cit. S. 337.*

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 99. Д. 42. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2, 8, 14.

¹⁸ *Роос Г. Указ. соч. С. 323.*

¹⁹ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 101. Л. 32об–34.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ *Роос Г. Указ. соч. С. 322, 324–328.*

²² РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 101. Л. 2.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 6 а, 6 б.

²⁶ Там же. Л. 33об–34.

²⁷ Там же. Л. 34об–35.

²⁸ Там же. Л. 11.

²⁹ Там же. Л. 34об–35.

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ Там же. Л. 34об–35.

³² Там же. Л. 35 об–36.

³³ Там же. Л. 34об–36.

³⁴ Там же. Л. 19, 21.

³⁵ Там же. Л. 36об–37.

³⁶ Там же. Л. 25.

³⁷ Там же. Л. 36об–37.

³⁸ *Roos H.U.L., von*: Erster Jahres-Bericht vom Marienkrankenhaus fuer Arme in Sankt-Petersburg vom Jahr 1836. SPb., 1837; *Roos H.U.L.* Zweiter medicinischer Jahresbericht vom Marienkrankenhaus fuer Arme in Sankt-Petersburg vom Jahr 1837. SPb., 1838.

³⁹ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 101. Л. 35об–37.

⁴⁰ Там же. Л. 26.

⁴¹ Там же. Л. 27-29.

⁴² Там же. Л. 31, 44.

⁴³ Там же. Л. 39об., 50, 54.

⁴⁴ Там же. Л. 54, 54а.